

СТЕФАН ЗАВЬЯЛОВ

Сказ про инженера-проектировщика

Стефан Завьялов

**Сказ про инженера-
проектировщика**

«Издательские решения»

Завьялов С.

Сказ про инженера-проектировщика / С. Завьялов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857255-5

Пока не поработаешь не узнаешь всех прелестей выбранной профессии, тем более в эпоху перемен. Хочешь не хочешь, но никому не удастся избежать конфликтов внутри трудового коллектива. К чему следует стремиться? Быть угодливым с руководством? Быть отличным специалистом? Быть безотказным или отстаивать собственное мнение? С годами человек вырабатывает себе матрицу поведения ту, в которой именно ему комфортно находиться, или же ему никак не удаётся приспособиться к окружающей обстановке.

ISBN 978-5-44-857255-5

© Завьялов С.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	9
3	11
4	14
5	16
6	17
7	19
8	21
9	23
10	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сказ про инженера-проектировщика

Стефан Завьялов

© Стефан Завьялов, 2017

ISBN 978-5-4485-7255-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Жил был Стёпа. На пороге были нулевые годы. Стёпа учился на пятом курсе института и готовился к защите дипломного проекта. В его царстве государстве с работой был напряг полный и близился день X, когда придётся искать работу.

В институт Степа пошел, чтобы воплотить свою честолюбивую мечту – получить высшее образование. Мечта сформировалась в те времена, когда никто не переживал о куске хлеба, а инженер звучало гордо. Правда, за последние десять лет мир коренным образом изменился, а Стёпа этого не учёл и продолжал двигаться по инерции к ранее выбранной цели.

Да и как он мог это учсть? Это как ползет червь в своем двумерном мире и всё у него хорошо и сыто. Однажды прилетает птичка и кушает червячка. Птичка ведь живёт в трёхмерном мире в отличие от червя. Для червя птица появилась ниоткуда – чудеса, да и только. Так вот и Степа собирался жить в одном мире, как говорится ползать в двумерном пространстве, а когда сделал всё, что считал для этого необходимым, оказалось, что он находится как минимум в трёхмерном мире. Вот и получилось оказия – живёшь в трёхмерном мире, а мышление то осталось двумерным. Дааа, дела.

Мечты у Стёпы закончились, да и какие теперь мечты – приспособливаться нужно к изменившимся условиям или отправляться к динозаврам. Серый быт новой действительности со всей своей бесперспективностью не внушал никакого вдохновения.

Успокаивали книги, всё, что осталось неизменного от прежнего мира. Избыток хороших книг Стёпа открыл для себя в институтской библиотеке. Многие из них он давно уже хотел прочитать, но как всегда времени не хватало. Каким-то образом всё-таки удалось расширить временные рамки суток.

Периодически вынужденно стараясь высосать из пальца вектор дальнейшего приложения собственного усердия, подобно Обломову, в небольших промежутках между погружением в мир книг «Игрок», «Бедные люди», «Мифология древней Индии», «Думай и разбогатеи» – Степа пытался решить извечный вопрос – «Что делать?»

На пару недель Стёпа забыл обо всем на свете, и с головой ушел в поиск ответа – «А почему это появилось столько продавцов вечной жизни?» На каждом шагу к тебе подходили люди и приглашали посетить своё богослужение. Для Стёпы это был неизведанный плод. А может там что-то всё-таки есть? Степа пару раз из любопытства сходил и посмотрел, что же там происходит. В одном месте он даже увидел свою бывшую преподавательницу, которая недавно уволилась из института. Это была очень серьезная и позитивная женщина. Здесь же на богослужении она вдохновлено играла на синтезаторе. В другом месте, куда Стёпу пригласил его институтский товарищ, осуществляли исцеление всех желающих. У Стёпы сложилось впечатление, что исцеление получили все, кроме него и его соседа по комнате в институтской общаге, который тоже захотел разобраться, что и к чему. Все вокруг падали после наложения на них рук главного ведущего в этом религиозном действии, потом приходили в себя и с чувством невыразимого восторга делились своими впечатлениями. Степа же со своим соседом стояли и недоумённо смотрели по сторонам, наложение рук ведущего богослужение ничего не изменило.

В общем, нужны были ответы. Стёпа пошёл в библиотеку. В религиозной тематике книг не оказалось. Степа расстроился, а потом пораскинул мозгами. Книги в библиотеке лет десять активно не обновлялись, но ведь до этого в библиотеку поступало всё, что издавалось в огромном количестве. Но десять лет назад в стране религии не было, но был атеизм. Стёпа открыл заветный ящичек с перечнем атеистической литературы. Здесь было всё, включая кто и когда, как и сколько и даже почему. Информации оказалось достаточно, чтобы закрыть беспокоивший его вопрос...

На фоне всего этого профессор Славянский, он же руководитель дипломного проекта, он же заведующий кафедрой, предложил Стёпе работу. Оказалось, что кафедре выделяется одно бюджетное место в магистратуру и так как профессор был человеком порядочным, он дал задание секретарю найти достойного. Как не удивительно, но Стёпа попал в этот список.

Профессор выложил перед Стёпой весь расклад. Если ко мне пойдешь, то получишь у меня работу. Оказывается, профессор по совместительству работал ещё в одном наукоёмком заведении. Он там возглавлял научно-исследовательский отдел. Это была некогда очень крупная и уважаемая организация. От науки, правда, там осталось совсем мало, но это была реальная работа по специальности, следовательно, Стёпа не зря учился. Для Стёпы это было очень важно, так как планка его самомнения, некогда витавшая в облаках, теперь сильно давила на ступни его ног.

Профессор предлагал работу при условии, что Стёпа пойдет учиться в магистратуру, а затем в аспирантуру. От этих слов радость переполнила всё Стёпино существо, и он подумал, а не снится ли ему всё это. Профессор совершенно спокойным тоном продолжал – работа будет официальная, но когда нужно будет находиться на занятиях в магистратуре, то он будет освобождаться от любой работы.

Однако, для осуществления всего предложенного необходимо закончить институт с красным дипломом. Предварительная выписка оценок показывала, что до красного диплома Стёпе нужно было исправить две оценки. Тут Стёпа сник. Он привык спокойно плыть по течению, а это создавало концентрацию напряжённости, и он к тому же слабо представлял себе процесс пересдачи. Ведь за всё время учебы, ему с этим ни разу не приходилось сталкиваться. Ему не то, что не приходилось ни разу ничего пересдавать, он часто получал зачет в числе самых первых. От всевидящего ока профессора внезапный Стёпин астрал не ускользнул, и он решил приободрить своего студента.

У профессора уже были двое ребят, по одному из каждого предыдущего курса. Профессор сказал, что последнему из них для поступления в магистратуру пришлось исправлять порядка двух десятков предметов, и он справился с этой задачей. Это действительно немного приободряло, и Стёпа сказал, что согласен и постарается справиться с поставленной задачей.

Перечень своих оценок Стёпа получил у секретаря. Стёпа не знал, что делать и почему-то решил для начала исправить четверку по философии на пятёрку. Он узнал, что по этому вопросу ему нужно идти к заведующему кафедрой истории и философии.

Стёпа вздохнул и вошел в нужный кабинет. Профессор как раз собирался выходить, но нашел минутку выслушать робкого студента, возможно по тому, что сам достопочтимый философ не страдал заносчивостью и высокомерием. Узнав желание студента исправить оценку на отлично, профессор вернулся к своему столу, и дал Стёпе несколько листов, на которых было много чего напечатано. Профессор сказал, что для пересдачи нужно будет подготовиться по всем этим материалам, потом соберут комиссию и уже по результату сдачи решат какой оценки заслуживает студент.

От всего услышанного Стёпа сник, так как он понимал, что это не реально. Однако каким-то образом, Стёпа спросил профессора – возможно ли как-то иначе. Взгляд профессора перестал быть отстранённым. Он попросил пояснить. Стёпа сделал над собой усилие и заговорил.

Можно ли, например, написать какой-нибудь реферат, на заранее оговоренную тему или ещё что-нибудь в этом духе. Теперь профессор предложил присесть, сел сам, и попросил развить мысль. Да что там развивать. Вот например, в техникуме для хорошей оценки и для того чтобы не сдавать экзамен Стёпа писал реферат про критику идей коммунизма Маркса французским философом Альбером Камю или о подпольной организации «Красной капелле» удачно работавшей в тылу Германии. А вот уже здесь в институте, Стёпа для хорошей оценки ходил в дискуссионный клуб по политологии, организованный его преподавателем и там готовил реферат «Политический портрет Л. Кравчука». Ну, вот можно ли, что-то в этом роде?

Профессор выглядел задумчивым. Он встал, прошел за свой стол и попросил показать зачётную книжку. Стёпа протянул зачётку. Профессор пролистал зачётку, нашел свои оценки в ней, пролистал в конец и положил на стол. Взял ручку и сделал запись, что философия переиздана на отлично. Профессор пожелал удачи и сказал, что надеется на встречу на лекциях в магистратуре, а сейчас, к сожалению, ему нужно торопиться, так как он опаздывает.

Они вышли из кабинета, профессор закрыл дверь и растворился в многолюдном коридоре. Стёпа с зачеткой в руках и с открытым ртом стоял и не мог поверить случившемуся.

Следующим предметом Стёпа выбрал экономику. Здесь у него стояла тройка. Тройка была практически у всех, кто добросовестно пытался учить этот предмет. У тех, кто просто учил – была двойка. Преподаватель по экономике был настолько забавным человеком, что про него можно писать отдельную книгу.

Этот господин периодически проводил письменные срезы по прошедшим лекциям. Все благополучно списывали из конспектов и книг ответы на поставленные вопросы и затем получали свои оценки, например «0.1» или «1.2», «2.3» и так далее. Максимальная оценка могла быть чуточку выше «тройки». Всеобщему возмущению не было предела. Но преподаватель говорил, что студенты недостаточно раскрыли тему, что они представили только тот материал, который он дал на лекции, а нужно читать экономическую литературу и только тогда можно рассчитывать на более менее приличную оценку. Он также всех успокаивал тем, что будет индивидуальный опрос, по завершению курса изучения Экономики и можно будет всё исправить.

На потоке было порядка девяноста человек и все хотели исправить оценку. В конце учебного года каждый день все выстраивались перед кабинетом, где принимал экономист всех желающих строго по одному. Менее пятнадцати минут индивидуальный опрос не длился, а через сорок пять минут экономист уходил куда-то, и его не было порядка тридцати минут. Доходило до абсурда, ребята просто переставали выпускать преподавателя из кабинета, чтобы он продолжал свою работу. Однажды он сказал, что ему очень нужно сходить на кафедру, и что через десять минут он преобязательно вернётся.

Все значит стоят, ждут и вдруг кто-то говорит, что видел экономиста, который вышел из института и пошел домой. Группа ребят тут же кинулась к своей машине и помчалась в погоню. Они его догнали, предложили сесть в машину и приехали обратно. В общем, Стёпа тогда решил остановиться на своей тройке, так как происходящее выглядело слишком сюрреалистичным, а он не был фанатом искусства.

Переиздать у своего преподавателя экономику было нереально, но почему не попытаться, как говорится, за спрос не берут в нос. Сидит значит Степа в коридоре учебного корпуса, морально созревает к беседе и тут мчится Александр, хороший знакомый с параллельной группы. Они жили в одной общежитии и постоянно зависали в одной и той же компании по вечерам. Александр увидел Стёпу и подошел перекинуться парой слов. Он выслушал Стёпино горе, и весь такой жизнерадостный говорит – пошли. Они пришли к одной из аудиторий по экономике. Учебная пара как раз закончилась, и студенты покидали помещение. Александр и говорит, что сейчас здесь его преподавательница по экономике – мировая женщина. Она как раз собирала свои вещи со стола. Ребята подошли к ней и Александр рассказал ей проблему своего товарища и попросил совета. Женщина сочувствующе взглянула на Стёпу и попросила его зачётку. Она пролиستала ее. Посмотрела на тройку по экономике, на подпись своего уважаемого коллеги, затем перелистала в конец, увидела отлично за переизданную философию и собственноручно поставила рядом отлично по экономике.

В общем, благодаря этим отзывчивым людям двери магистратуры распахнулись для Стёпы.

2

После успешной защиты дипломного проекта Стёпе нужно было подъехать в проектный институт к профессору и переговорить с ним о дате выхода на работу.

Стёпа приехал в проектный институт и зашёл к секретарю, это была милая женщина, которая показалась Стёпе очень похожей на актрису Веру Глаголеву. От неё Степа узнал, что в альма-матер возникли непредвиденные проблемы с поступлением в магистратуру. Секретарша на кафедре решила на вакантное место в магистратуре устроить своего сына, который учился одновременно со Стёпой. Она пошла ва-банк. Для осуществления своего плана она все просчитала. В последний день утверждения списков магистрантов она пошла на прием к самому ректору. В этот день профессора Славянского на работе не было, так как учебный год завершился, а все административные вопросы, как он думал, были решены.

Однако эта добрая женщина, в порыве заботы о будущих кадрах учебного заведения доложила ректору, что профессор Славянский обучает здесь в магистратуре и аспирантуре ребят, которые потом здесь и не собираются работать. По ее мнению он готовит научные кадры для своего проектного института, а вот её сын – молодец и он готов целиком и полностью посвятить всю свою жизнь делу только этого института.

Секретарь просчитала всё, и то, что ректор был человек вспыльчивый и то, что он Славянского недолюбливал, так как тот был слишком самостоятельным. По всем раскладам Стёпина магистратура должна была накрыться медным тазом. Спасти Стёпу мог только Славянский, но он ничего не знал, мобильники тогда ещё не были в ходу и он спокойно работал у себя в кабинете в другом конце города. Но дама не учла одного обстоятельства, что к Славянскому, всё-таки дозвонятся и что он не поленится, несмотря на возраст и регалии и общественным транспортом бросится отстаивать свой авторитет, а заодно спасти Стёпу.

Узнав всё это, Степа бросился вслед за профессором. Прибыв в институт, Стёпа отправился на кафедру искать профессора. Кабинет профессора был закрыт и Стёпа начал заглядывать во все кабинеты, чтобы его найти. Все двери были закрыты. Оказалась открытой только дверь в кабинет секретаря. Стёпа, с замиранием сердца, открыл эту дверь. Там в одиночестве за столом сидела секретарь кафедры и рыдала в носовой платок. Стёпа спросил её, где можно найти профессора, на что она спокойно ответила, что он уже уехал к себе. Стёпа отправился обратно, понимая, что что-то произошло, но что именно он ещё не знал.

Стёпа приехал в проектный институт, секретарша Глаголева сказала, что САМ у себя. Здесь нужно сказать, что Стёпа удивился, когда ещё в свой первый приезд сюда заметил, как все подчеркнуто с уважением относились к Славянскому. Для Стёпы тогда Славянский ещё был обычным рядовым преподавателем, но здесь все возле его кабинета говорили, чуть ли не шёпотом и ходили, чуть ли не на цыпочках.

Стёпа заглянул к профессору, тот спокойно сидел и работал за своим столом. Заметив голову Стёпы в дверном проеме, он пригласил его зайти. Стёпа зашел и присел. Профессор сказал, что всё в порядке, всё остается в силе. Стёпа зачислен в магистратуру, в последний момент, правда, возникли некоторые непредвиденные обстоятельства, но они благополучно разрешены. Пока Стёпа может наслаждаться отдыхом, а с первого сентября у него начинается учёба в магистратуре и он начинает свою трудовую деятельность в должности инженера.

Ну, вот мечта Стёпы и сбылась – он получил высшее образование и работу инженера. В учебе в магистратуре Степа проблем для себя не видел, но вот последующая учеба в аспирантуре с успешным выходом на защиту кандидатской как-то совсем не имела отклика в его душе. Это для Стёпы, было всё равно, что полететь на луну. Но так как альтернативы не было, то оставался реальным только этот нереальный жизненный путь. Нереальный потому, что Стёпа никогда и не думал, что будет заниматься наукой, он просто хотел закончить институт. Для

него свалившееся счастье было чересчур хорошим раскладом, к которому он морально не был готов. Стёпа, конечно, постарается сделать всё, что в его силах, впрочем, как и всегда, но он переживал, что его двумерного мышления может оказаться не достаточно, так как он уже осознал, что мир то, имеет больше двух измерений.

3

Дальше Стёпа будет стараться всё делать как можно лучше, только вот получаться на самом деле всё будет несколько иначе.

Стёпа думал, что вот если хорошо выполнять свою работу, то карьера тебе будет обеспечена, однако важность человеческого фактора он не учитывал, так как у него были проблемы с коммуникабельностью. Стёпа понимал, что это его огромный минус, и даже читал Дейла Карнеги и что-то там ещё в этом роде. Получив теоретическое представление о коммуникабельности, Стёпа решил пару раз попробовать себя в роли льстеца, но всё получилось столь коряво, что он решил, будь как будет, но это не его. Он не раз наблюдал как другие естественно и с лёгкостью решают свои вопросы и для себя он понял, что быть льстецом дано не каждому и с этой способностью нужно, наверное, родиться.

Использованию человеческого фактора не учат, но очень важно иметь о нём представление. У каждого в жизни свои ситуации, свои ошибки, свои последствия. Возможно, нужно, чтобы через время, вспоминая неприятные моменты, каждый мог бы понять, что же произошло на самом деле и почему. Кто тогда был не прав, и как можно было бы выйти из той или иной ситуации без потерь. Нет, конечно, такая же ситуация не повторится, но чем больше ситуаций удастся критически переосмыслить, тем больше вероятность того, что хоть какие-то элементарные навыки привьются...

Первого сентября Стёпа приступил к работе и учёбе. В институте не было ничего особенно интересного, а вот на работе всё было в новинку, и люди и взаимоотношения.

Коллектив в отделе, где Стёпа начал работать состоял из одиннадцати человек, включая и самого Стёпу. Кроме Стёпы здесь были еще двое ребят – аспиранты профессора, с которыми Стёпа и делил один кабинет. Здесь работали две женщины бальзаковского возраста, но выглядевших очень жизнерадостными. Остальные мужчины были предпенсионного возраста. Здесь в шутку говорили, что в институте образовался значительный разрыв поколений. Женщины порой говорили с грустинкой, что нет мужчин среднего возраста.

Стёпа пришел осваивать профессию инженера, поэтому с головой ушёл в работу. Вскоре ему удалось показать себя во всей красе. Замом профессора был Васильевич, он, кстати, был одним из самых взрослых в отделе. Самым взрослым был завхоз. Завхоз был человек без образования и был он большой чудаком, но также он был и мастером на все руки. Его все любили и относились к нему с подчеркнутым уважением. Он всегда носил пиджак и галстук, а подпись у него была – это просто каллиграфическое произведение искусства.

Так вот, вскоре Васильевич сказал Стёпе, что им двоим предстоит командировка. В селе соседней области есть заброшенный Дворец культуры и они поедут туда, и осмотрят его. Так как никаких чертежей нет, то по результатам поездки Стёпа должен будет составить все необходимые чертежи: фасады, планы, разрезы, фундаменты, конструкции крыши и так далее. На всё про всё, у них для сбора информации будет три дня.

Каким-то чудом Стёпе удалось всё воплотить на бумагу. Стёпа сам был удивлен. Там на месте большую часть времени Стёпа провел сам, так как Васильевич поехал к своему другу и Стёпа на свой страх и риск всё измерял и зарисовывал, как мог. На объекте он работал до заката солнца, благо, что была середина сентября и стояла отличная тёплая погода.

Когда Стёпа представил результаты своей работы, то симпатия и расположение Васильевича ему были обеспечены на несколько лет и это в будущем сыграет свою роль. Профессор же своих эмоций никогда не выражал и считал, что хвалить – это только вредить, а эту работу он даже не считал серьезной. Он был человеком науки, и только на этом поприще можно было вызвать у него уважение. Васильевич же всем своим видом показывал, что он доволен работой Стёпы.

Время тогда было сложное и зарплату не платили. Задержка по выплате зарплаты составляла больше года. Стёпа отработает здесь год и так ни одной зарплаты и не получит. Чтобы как-то выживать руководители отделов создавали собственные фирмочки и находили любые заказы, чтобы за них платили. Благодаря этим работам и удавалось иногда получать хоть какую-то копейку. Аспиранты занимались своими диссертациями, а профессор старался для этого найти хоть какие-то средства и возможности. Когда аспирантам нужна была физическая помощь, весь отдел дружно принимал в этом участие.

Стёпе нравилась его работа, но экономическое состояние института желало лучшего. Задолженность по зарплате росла от месяца к месяцу, и это угнетало молодого инженера. Казалось, у Стёпы есть всё, что он хотел: образование и любимая работа, но не хватало пустячка – материального обеспечения.

Кто бы мог подумать, что можно работать, но денег не получать и сколько это вообще может продлиться? Не успокаивало даже то, что Васильевич выделял Стёпу среди более опытных аспирантов, которым это очень не нравилось. Когда появилась относительно большая работа по фирме, то Васильевич настоял, чтобы её выполнял Стёпа, хотя у профессора на этот счет было свое мнение. Стёпе конечная ситуация была не совсем понятной, так как он один должен был заниматься этой работой месяцев пять – шесть. Почему бы не подключить несколько человек и не разделить её между всеми? Возможно, именно так и хотел поступить Славянский, но Васильевич, видя Стёпино рвение в работе, возможно решил иначе. Зачем платить нескольким сотрудникам, тем более тем, кто знает реальную цену работе, если можно эту работу отдать студенту, который спать не будет, но работу всё равно сделает, но это для Стёпы тогда так и осталось загадкой, а отношение к нему других сотрудников должно было стать не совсем доброжелательным. Стёпа просто работал и ничего этого не замечал.

Весь этот год Стёпа разрывался между учёбой и работой. Он не понаслышке узнал, что такое ненормируемый рабочий день. В итоге магистратура с бессонными ночами была позади. В сентябре предстоял экзамен в аспирантуру, но он был символическим, так как его принимали научные руководители магистрантов и была договоренность кто из магистрантов проходит в аспирантуру. Стёпа проходил, так как по своей кафедре он шёл один, а за кафедрой было зарезервировано одно место. Кандидатский минимум и перевод нескончаемых тысяч по английскому языку, были в прошлом. Казалось бы всё ничего, но желание зарабатывать хоть сколько-то нормальную зарплату и отсутствие веры в то, что он сможет выполнить экспериментальную часть выбранной научной диссертации сделали своё дело. Стёпа решил увольняться после летнего отпуска.

Очень сложно было озвучить свое решение профессору. Он к этому морально готовился пару месяцев и даже записывал, то, что следовало бы сказать. В конце концов, всё было озвучено, Стёпа сказал, что не хотел бы подводить профессора и кафедру и поэтому придёт на вступительный экзамен и благополучно его не сдаст. На том и порешили. Профессор, как всегда, остался внешне совершенно непоколебимым и даже не напомнил, что Стёпа давал обещание пройти этот путь. Да, как ни прискорбно, но Стёпа своё обещание не смог сдержать, так как отсутствие выплаты зарплаты не упоминалось.

Стёпа уволился. Он работал то там, то там, иногда заезжал в проектный институт с надеждой получить не выплаченную за год зарплату. С момента увольнения прошло более полу года. Стёпа жил и работал в своем родном небольшом городке и однажды получил письмо от аспиранта. В письме говорилось, что Васильевич просит Стёпу позвонить. Мобильники тогда только начинали входить в широкий обиход, и это было дорогое удовольствие. Стёпа позвонил. Васильевич предлагал Стёпе вернуться. В руководство института вошел Славянский и он обещал навести порядок. В общем, должны были появиться деньги на зарплату, да и работа за которую будут нормально платить. Васильевич сказал, что профессор не принимает

назад тех, кто однажды ушёл от него, но Васильевич постарается всё уладить, к тому же он поможет найти общежитие и институт будет оплачивать половину стоимости проживания.

Стёпа взвесил все за и против и решил вернуться, его тронула подобная забота Васильевича, да и работать там, что не говори, ему доставляло моральное удовлетворение.

4

Забегая чуточку вперед, нужно отметить некоторые вещи, о которых будет дальнейший рассказ. Необходимо всегда помнить и понимать, что все люди разные, и они постоянно балансируют на тропе своих чувств и эмоций. Кто-то больше зависит от них, а кто-то меньше. Если человек как-то сказал в ваш адрес нечто обидное, то не обязательно, что он это сделал обдуманно. Возможно, просто порыв ветра качнул его настроение в том направлении и не стоит по этому поводу из мухи раздувать слона.

Всё вокруг сбалансировано, поэтому можно предположить, что если кто-то вызывает в вас чувство симпатии, то будьте готовы, что узнав этого человека лучше – другая его грань будет вызывать у вас противоположные чувства. Как говорит один успешный господин – не работе нет друзей, есть сослуживцы. Другой известный товарищ повторял, что нужно уметь работать с теми, кто есть

Любой рабочий коллектив нужно принимать такой, какой он есть. Нужно помнить, что люди здесь работали до вас, и будут с таким же успехом работать и после вас. Выносить своё осуждение о ком-то, особенно в адрес руководства, за то или иное событие или принимать активное обсуждение с сослуживцами по этому поводу не стоит. Нужно помнить, что одно неосторожное слово может вам очень сильно навредить, так как у руководителя мгновенно возникнет антипатия к вам. Руководитель, как правило, в курсе подобных разговоров даже не особо этого желая, так как любой коллектив стремится к совершенству. Совершенство подразумевает иерархию коллектива, где определенные ниши занимают люди с соответствующими качествами и этого изменить нельзя. Это как отдельный человек обладает определенными индивидуальными качествами, но в целом люди из одной социально-временной ячейки очень схожи. Так и человеческие коллективы в одной точке пространственно-временного измерения имеют незначительные отличия, но в целом они очень схожи по своей иерархии и индивидуальным качествам людей на аналогичных иерархических ступеньках.

Всегда есть люди ищущие расположения руководства по тем или иным причинам, поэтому старая поговорка «Молчание – золото», как была актуальной, так и останется таковой навсегда.

Все выше сказанное это незримая система. Если вы не найдёте своего места в этой системе и будете ее активно критиковать, то система вас заметит и не особенно будет к вам после этого расположена, даже если вы семи пядей во лбу. Перед не писаными правилами систем трудовых коллективов равны все независимо от ранга и возраста. Это не зависит от отдельного человека, здесь работает некий коллективный разум и стоит любому представителю совершить нечто, что коллективным разумом или если хотите эгрегором небольшого ранга, будет расценено как угроза в свой адрес, как сразу же после этого начинается процесс отторжения этого субъекта из коллектива.

Это нечто метафизическое и подобное осознание появляется после наблюдения за жизнью коллектива изнутри довольно продолжительное время в разных ситуациях, и как минимум в десяти разных коллективах. Стёпе довелось лицезреть, как теряют свои должности и директора и незаменимые специалисты, положение которых казалось незыблемым и происходило в ущерб выполняемой работе, но этот процесс был необратимым. О рядовых сотрудниках здесь и говорить нечего. Простого сотрудника уволить ничего не стоит, но неугодному могут просто создать невыносимую обстановку, чтобы сам собрал свои вещи и ушел.

Грань между фаворитом коллектива и тем, от кого эгрегор данного коллектива решает избавиться очень тонкая. Ещё вчера ты был на коне и проработал здесь десятилетия, а завтра вдруг тебя рассчитали и даже не пустили за проходную. Это говорит лишь о том, что практически никто не понимает как всё устроено. Основная масса сотрудников интуитивно чувствует

как следует выживать в трудовом коллективе, они вроде и ничего не делают, но их терпят и к ним нет никаких претензий. Однако, в любом коллективе есть такие сотрудники, которых постоянно перегружают работой более чем, да ещё погоняют и вычитывают за медлительность, хотя на самом деле эту работу больше никто и сделать бы здесь не смог. Такому специалисту в любом случае не удаётся прижиться в коллективе, как бы он не старался трудолюбиво выполнять свою работу, ни на что особенное ему здесь рассчитывать не приходится.

Как в первом случае, когда фаворит коллектива бывает внезапно уволен, так и во втором случае, когда старательный специалист работает на износ, но не получает за свою работу ожидаемого вознаграждения, происходящее можно объяснить некоей рассинхронизацией. В первом случае фаворит задумывает нечто такое, что может нарушить установившийся порядок в коллективе и эгрегор начинает его атаковать несмотря ни на какие заслуги. На самом деле никаких заслуг и нет. Правда, если за фаворитом стоит более мощный эгрегор, то он поглощает более слабого.

Человека же, который никак не может вписаться в трудовой коллектив, может характеризовать сильный индивидуальный характер и эгрегор должен его либо сломить и подчинить воле большинства, либо выжать из него всё что можно, а потом избавиться. В общем, кого возвысить, а от кого избавиться решает расчётливый и безжалостный коллективный разум...

5

Вернувшись назад, в проектный институт Стёпа погрузился с головой в работу. Специфика работы отдела, в котором работал Степа, в основном состояла из обследования жилых, общественных и промышленных зданий и составления Научно-технических отчетов. Как правило, подобную работу заказывали, когда возникали серьезные проблемы или подозрения на них.

В отделе составляли рабочие бригады с назначением ответственного специалиста в каждой бригаде. Приступая к работе, исполнители старались найти во всевозможных архивах чертежи на здание и уже после этого выезжали на объект, где проводили обязательный визуальный осмотр всех конструкций здания, выявляли повреждения, проводили опрос персонала или жильцов и уже потом начиналась рутинная кабинетная работа. Иногда приходилось выезжать в командировку в другой город или область. Командировки особенно врезались в память, так как двух одинаковых не было, и они по своему вырывали тебя из рутины повседневности.

После сбора всей информации, определяли необходимость вскрытия фундаментов для их осмотра и замеров, отбирали пробы грунта непосредственно из основания фундамента, иногда проводили испытания прочности кирпичной кладки или бетона. Главной задачей ответственного специалиста было определение степени повреждения, причин повреждений и разработки необходимых мер по усилению здания.

Заказов на эти работы было достаточно, так как в то время конкурентов практически не было. Заказчики исправно платили по счетам и отдел начал потихоньку расширяться. Начали брать выпускников из института.

Коллектив был дружный, склок и ссор практически не было, кроме пары инцидентов получивших огласку. Как скажет один старожил этого коллектива, много лет спустя: «Счастье в неведении».

Васильевич заведовал распределением премиального фонда отдела. Этим распределением практически все были недовольны, особенно в свете выполнения большого объема работ в последнее время, при отсутствии роста премиальных.

В какой-то момент активная группа сотрудников добилась того, что распределение премиального фонда вынужден был взять на себя Славянский. Он сразу же сделал всё максимально прозрачным. Теперь при создании рабочих групп оговаривался размер премиальных, что служило стимулом к работе, так как размер премии возрос в разы.

Через пару лет работы Стёпа поймал себя на мысли, что стал таким же, как и остальные сотрудники. В свой первый визит сюда Стёпа был удивлен раболепным отношением сотрудников к начальнику. Они старались лишний раз не привлекать к себе внимания Славянского. Теперь и Стёпе почему-то не хотелось лишний раз пересекаться с ним в коридоре или беспокоить каким-то вопросом.

6

Когда Стёпа вернулся в институт, то ему дали отдельный кабинет, пустовавший в то время. За время отсутствия Стёпы аспиранты были размещены в других кабинетах, а их бывший кабинет был сдан в аренду. Практически год Стёпа был единственным хозяином целого кабинета.

Через некоторое время на работу в отдел Славянский пригласил Давыдовича. Давыдович был уже пенсионером и подрабатывал где-то сторожем. Славянский его хорошо знал и уважал как учёного и специалиста. Давыдович долгое время был преподавателем в институте, он в свое время защитил кандидатскую диссертацию в Москве. После защиты кандидатской и будучи преподавателем в институте ректор предлагал ему возглавить кафедру, но при условии, что тот займётся докторской. Давыдович отказался, так как был сыт наукой по самое не хочу. На закате СССР ему предложили поехать в одну африканскую страну преподавать в тамошний ВУЗ. Человек он был законопослушным, и отказаться не смог. Так как он ехал в ВУЗ франкоязычный, а школьный курс французского языка желал лучшего, то он прошел специальный интенсивный курс французского языка, что позволило ему преподавать, но с тех пор он стал страдать бессонницей. В Африке он провел несколько лет и после развала СССР вернулся домой. По возвращении домой у него появилась непонятная болезнь, возможно привет из Африки. Во времена обострения болезни, раз в несколько лет ему приходилось порядка месяца лечиться в больнице.

Давыдович был добродушный и абсолютно бесконфликтным человеком, у него было много друзей и все о нём отзывались положительно.

Когда перестали платить зарплаты, Давыдович с двумя друзьями, также кандидатами технических наук открыли собственную фирму и занимались реконструкцией промышленных предприятий. Через пару лет один из товарищей ушел из фирмы. Работы в их фирме было много. Давыдович занимался непосредственно работой, а оставшийся товарищ искал объекты для новой работы и обеспечивал загрузку. Через какое-то время товарищ предложил Давыдовичу взять в фирму бухгалтера – свою жену, так как та осталась без работы. Прошло немного времени и штат их фирмы ещё расширился. Товарищ привел в фирму свою дочь и зятя. Зять стал личным водителем тестя – уже директора фирмы, а дочь секретарём. Давыдович был единственной трудовой лошадкой, которая выполняла всю работу. Зарплата Давыдовича была не очень большой, а все родственники товарища явно зарабатывали больше его. Давыдович попросил себе прибавку к зарплате или в противном случае он уволится. Все трое остальных сотрудников были против повышения его зарплаты. Давыдович уволился, а через пару месяцев фирма перестала быть...

Давыдович, видя трудолюбие Стёпы попросил повышения для него у Славянского. Славянский был человек принципов. Если человек ему нравился как специалист, то он относился к нему уважительно, но стоило только один раз его разочаровать – всё менялось. Приближенная особа Глаголева знала Славянского как никто другой, и порой, она между мимоходом рассказывала интересные и поучительные вещи. Например, один аспирант не оправдал его ожиданий и Славянский сказал ей мимоходом, что «этот» доцента не получит. Стёпа представил себе горе аспиранта, без пяти минут кандидата, который видел своё будущее после защиты в розовом цвете, но он и не догадывался, что его будущая карьера уже перечёркнута. Самое обидное, что если бы Славянский сказал бы ему это прямо, то он мог бы искать новую работу, но Славянский ему ничего не сказал и он много лет будет из шкуры лезть, чтобы добиться желаемого, но все его усилия будут напрасными.

Стёпа знал, что лично он не один раз разочаровал Славянского, он даже себе раз позволил лично высказать свое неудовольствие довольно в резком тоне. Славянский тогда всего лишь холодно сказал, что «Это Ваши проблемы» и демонстративно сплюнул в урну.

Однако, несмотря на всё это, по просьбе Давыдовича Славянский дал повышение Стёпе. Стёпа понимал, что достиг потолка в своей карьере здесь и подумывал об очередном увольнении.

Степино повышение предполагало, что он теперь самостоятельный специалист, который должен был возглавлять и вести работы. Первая самостоятельная работа была настоящим экзаменом для Стёпы. Пришлось на деле доказывать, что он хлеб ест не зря.

В трехэтажном корпусе больницы обрушился участок наружной кирпичной стены. Как выяснилось той зимой выпало очень много снега, а скатная крыша, запроектированная пятьдесят лет назад, была выполнена по нормам того времени, практически без запаса прочности и за пятьдесят лет ее никто не ремонтировал. Да какие там ремонты в больницах или школах на тот момент.

Стропила из года в год давили на мауэрлат, а тот в свою очередь на кирпичную стену. Никто ничего не замечал, пока одним утром часть наружного слоя кирпичной стены не обрушилась. Благо, что плиты перекрытия не обрушились. Анкеровка плит в стену привела к вертикальному расслоению кладки и обрушению всего лишь наружного слоя кладки. Вместе с кладкой выпали некоторые надоконные перемычки. Была угроза обрушения плит перекрытия. В тот же день главный врач больницы сидел в кабинете у Славянского, а через три часа Стёпа уже был на объекте. Было решено для страховки плит перекрытия установить на всех этажах подпорки и освободить от больных опасные помещения.

В общем, работа закипела. Для восстановления кладки в подобных случаях необходимо было снимать плиты перекрытия и восстанавливать кирпичную кладку, а уже потом укладывать плиты назад и ремонтировать крышу. Однако строители, которые должны были заниматься восстановлением были категорически против снятия плит, впрочем, как и главный врач больницы. Стёпа пошел консультироваться со всеми и даже со Славянским, все в один голос сказали не морочь голову и снимай плиты.

Стёпа метался между двумя огнями, так как решение было за ним. Он пошёл опять к Славянскому и попросил помощи, чтобы с ним на объект выехал кто-то более опытный, чтобы найти вариант без снятия плит. Однако именно в то время произошла большая трагедия. В одной из секций девятиэтажного жилого дома произошёл взрыв на первом этаже и от взрыва обрушились перекрытия трех или четырёх верхних этажей. Погибли люди. Практически все силы отдела были брошены на эту работу. Славянский предложил Стёпе войти в эту бригаду...

Стёпа продолжал искать решение. Через три дня нужно было выдать строителям эскиз принятого решения по восстановлению кирпичной кладки стены. Трое суток Степа сидел и рисовал возможные и невозможные решения. Произошло чудо и решение появилось само собой. Прорисовка показала возможность вертикально армирования стены с закреплением арматуры в верхних плитах перекрытия. На следующее утро Степа показал эскиз Давыдовичу, тот был доволен Стёпой. Славянский также дал добро. Все были довольны, особенно строители и главный врач, а Стёпа был просто счастлив. Это было его настоящее боевое крещение как ответственного исполнителя.

7

Однажды в отделе было объявлено собрание в связи с жалобой написанной одним из сотрудников. У всех моментально проснулся интерес, кто и чего вдруг захотел. Глаголева всех обошла и сообщила, что Васильевич, видите ли, хочет индивидуального повышения зарплаты и написал по этому поводу жалобу директору и необходимо провести коллективное собрание по этому поводу. Все негодовали по поводу наглости и коварства Васильевича.

Когда Глаголева скрылась в своем кабинете, в коридоре появился Васильевич. Давыдович как раз стоял в коридоре у окна, наше место для курения. Он подошел к Васильевичу поздороваться. Слово за слово и потекла беседа. Народ со всех кабинетов начал подтягиваться, так как из уст Васильевича всё звучало несколько иначе. Смысл был в следующем – мы уже полгода как занимались одним объектом, работа на котором была реально сопряжена с опасностью для здоровья. Объект был реально аварийный и могло произойти обрушение той или иной конструкции. Эта работа была оценена довольно высоко и обеспечивала загрузку отдела более чем на пол года. К тому же, эта работа попала к нам благодаря Васильевичу. Славянский назначил Васильевича руководить работами по этому объекту. Так как работа таила в себе опасность для здоровья и жизни, то участникам было обещано индивидуальное поощрение.

По ходу работы всё шло гладко, а так как опасения по поводу опасности не оправдались, ничего не рухнуло, то о премиальных вопрос замялся. Васильевич в принципе смирился, но потом узнал, что один из сотрудников в тайне всё-таки был поощрен. Здесь нужно отметить, что этот сотрудник практически был мозговым центром этой работы и фактически именно он и тянул эту работу на своем горбу, впрочем как и всегда.

Ну, в общем, Васильевич получил повод для начала активных действий, тем более, что его уже явно выживали из отдела, конфликт со Славянским достиг своего пика. Вот это всё поведал нам Васильевич. Все сменили ориентацию и начали сочувствовать и заверять Васильевича в своей поддержке на собрании...

Стёпа малёха замешкался и на собрание зашел последним. Славянский сидел за своим столом у окна. Вдоль стены напротив его стола стояли несколько стульев. В глубине кабинета был мягкий уголок и еще несколько стульев. Стёпа собирался укрыться именно здесь в глубине кабинета, подальше от очей Славянского, к тому же все обычно рассаживались как раз напротив начальника, а здесь было свободно. Однако оказалось, что все места в глубине кабинета заняты. На одном месте, где обычно сидел один человек втиснулись по двое. Свободны были только стулья напротив Славянского, где в гордом одиночестве сидел невозмутимый Васильевич.

У Стёпы вариантов не было, кроме как развернуться и тихонько выйти обратно, но это был не вариант. Стёпа подошел и присел возле Васильевича, как раз напротив Славянского.

Славянский взял вступительное слово, объяснил сложившуюся ситуацию, пересказал фактически версию Васильевича ничего не скрывая. Премирование сотрудника объяснил тем, что тому скоро выходить на пенсию и так как у него пенсия будет не очень большая, то уровень зарплаты в последний год работы перед пенсией будет для него полезным, тем более, что он это заслужил за долгие годы работы здесь. С этим, конечно, никто не мог поспорить.

Славянский предложил голосовать сначала тем, кто поддерживает просьбу о премировании участников той злополучной работы. Стёпа находясь напротив Славянского старался избегать смотреть на него, как было некогда прописано в указе Петра Первого «подчинённый пред лицом начальствующего должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы своим разумением не смущать лица начальствующего». Как Стёпа не репетировал перед зеркалом, но получить одновременно выражение лица лихого и придурковатого у него не получалось. По отдельности

удавалось отлично изобразить либо одно, либо другое, но одновременно никак не получалось. Ну, не актер был Стёпа.

Данная ситуация не была тем местом где бы стоило блеснуть и попытаться это сделать, а вдруг бы получилось. Поэтому Степа сосредоточился на главном «не смущать лица начальствующего своим разумением» и он поглядывал в окошко, но всё очень внимательно слушал.

Когда Стёпа услышал, что голосуют в поддержку Васильевича, то в соответствии со своими внутренними убеждениями, что правда должна восторжествовать, что раз обещал – выполняй и так далее. В общем, Стёпа был на стороне Васильевича по зову внутреннего голоса, который говорил ему, что если ты этого не сделаешь, то будешь себе весьма неприятен. Степа посматривал в окно и в поле его зрения был Васильевич, который сидел рядом у окна. Васильевич поднял руку и повернул голову вглубь комнаты, еле заметно улыбаясь, было понятно, что он всё прекрасно знал и понимал, чего в отличие от него Стёпа не понимал. Стёпа следом за Васильевичем тоже поднял руку и перевел взгляд вглубь комнаты стараясь не встретиться взглядом со Славянским. Увиденное удивило Степу. Больше никто руки не поднял. Дальше как в замедленной съёмке, Стёпа перевел взгляд на Славянского. Оказалось, что Славянский пристально смотрел прямо на Стёпу и взгляд его был весьма не приветливый. Стёпе стало очень неуютно. Рука вдруг начала опускаться сама собой, до такой степени Стёпа не мог позволить себе упасть, поэтому он просто запрятался от Славянского за своей поднятой рукой. Когда Стёпа укрылся от пронизывающего взгляда, ему стало легче. Когда их руки пересчитали поступила команда голосовать против. Стёпа наконец-то смог опустить руку. Всё было кончено.

Славянский утратил интерес к Стёпе. Славянский высоко поднял свою руку и демонстративно перевел свой взгляд вглубь комнаты. Пятеро ярых приверженцев Славянского уже сидели с поднятыми руками. Однако Славянский остался очень удивлен и разочарован увиденным, так как еще пятеро рук не подняли. При голосовании «кто воздержался» будут подняты как раз эти пять рук. Позже Глаголева в кругу приверженцев Славянского, где будет присутствовать и Стёпа, скажет, что Славянский не так рассердился на Стёпу как на тех, кто позволил себе воздержаться, так как они фактически предали его, в то время как были обязаны ему практически всем, они были его аспирантами. Тогда Стёпа понял, что для него ещё не всё кончено.

Васильевич в тот же день уволился, новое место работы его уже ждало. Он поблагодарил Стёпу за поддержку, тепло улыбнулся и сказал, что Стёпа, в случае чего, может обращаться к нему за помощью.

8

Когда Васильевича отстранили от должности главного инженера по фирмочке, то на его места был поставлен первый защитившийся аспирант Невозмутимый. Для Степы это особого значения не имело, так как на нём это никак не отразилось. Невозмутимый был весьма немногословен, но нужно отдать ему должное был весьма толковым. Разговорить его или чтобы он включился в обсуждение чего-то, что происходило прямо возле него, было не просто. Чтобы он обратил на тебя внимание, нужно было обратиться непосредственно к нему с конкретным вопросом. Возможно поэтому его отношения со вторым аспирантом Прижимистым, который в то время выходил на защиту были просто никакими.

После окончательного увольнения Васильевича, где то через месяц, в отделе с утра было как то особенно беспокойно. В воздухе повис топор, который ждал своей жертвы. Глаголева у всех узнавала про Невозмутимого. Её вопросы были совершенно не уместными и надуманно показными, что особенно подхлестывало интерес к происходящему. Оба состоявшиеся кандидата работали параллельно в учебном институте и в проектном. У них был свободный график работы. О том кто и когда должен был быть на работе точно знал только Славянский и конечное Глаголева, как единственное доверенное лицо и правая его рука. Но она почему-то заходила во все кабинеты и спрашивала о Невозмутимом. Ей никто ничего не мог ответить вразумительного и все только спрашивали почему бы ей не позвонить ему на мобильный. Она как-то особенно расстроено разводила руками, качала головой и говорила, что Невозмутимый такое вчера утвормил, что это просто немыслимо. Славянский же, после того как узнал об этом, очень сильно расстроился. В общем, беда, беда...

Интрига всё накалялась и накалялась. Уже никто не мог работать, и все шушукались по кабинетам. Через пару часов появился Невозмутимый, и всё как-то стихло. Еще через пару часов Глаголева вновь всех обошла и сообщила, что Славянский снял Невозмутимого с должности главного инженера по фирмочке и, наверное, назначит временно Прижимистого. На наш вопрос – что же произошло, она в двух словах, как бы нехотя, уже направляясь к выходу, и находясь к нам спиной, бросила, что Невозмутимый подрабатывает у Васильевича и отдаёт тому наши работы, что расценено как предательство.

Здесь следует упомянуть, что Прижимистый мог быть довольно милым и угодливым и он вошёл в ближний круг общения с Глаголевой. В этом ближнем кругу было три человека Глаголева, еще одна сотрудница отдела и Прижимистый. Они отлично ладили между собой и через Глаголеву первыми имели всю информацию, так как той обязательно нужно было с кем-то обсудить последние новости.

Позже Невозмутимый поведал Стёпе свою версию происходящего. По его мнению, кто-то из доверенного круга Глаголевой ехал по городу в трамвае и собственными глазами видел встречу Невозмутимого и Васильевича на остановке, где теперь работал Васильевич. Невозмутимый сказал, что это полная чушь, так как в тот день он конечное не был на работе, так как у него был День рождения, и он взял отгул. Весь день он провел дома с семьей, а Васильевича с момента увольнения он вообще ни разу не видел. В общем, его подставили очень профессионально и красиво и самое главное, что были выбраны очень удачно дни для этого. Если бы он был с утра на работе, то Славянский поговорил бы с ним по этому поводу, но так как с утра он должен был заехать в учебный институт, то естественно он не имел шансов оправдаться. Славянский же за пару часов отсутствия Невозмутимого, в свете представленной информации или дезинформации, всё разложил по полочкам и принял решение. Возвращаться же к обсуждению того, что для него уже было ясно, было просто бесполезно.

В общем, атмосфера в отделе накалилась и Стёпе работать здесь стало весьма дискомфортно. От той дружественной атмосферы, которая была в отделе раньше, не осталось и следа.

Особенно Стёпу угнетало отсутствие перспективы роста и ограниченность его специализации в работе, так как найти новую работу с подобной спецификой было очень не просто. Стёпа мечтал еще в институте проектировать многоэтажные здания и что-то такое значительное, ну чтобы можно было этим похвастаться.

В общем, для себя Стёпа решил, что работать у Славянского ему уже психологически напряжно, тем более при отсутствии каких бы то ни было перспектив для себя. А с учетом того, что нужно было расширять свою зону профессиональных навыков, это было просто без вариантов.

Славянский на тот момент, после того как Степа пару раз дерзнул показать собственное мнение, совершенно противоречащее правильному мнению начальника, просто перестал замечать Стёпу.

И вот тут-то произошло то, что просто не могло произойти. Славянский в течение одного дня был уволен.

9

Славянский был уволен директором, так как дерзнул выступить против него. С двумя своими доверенными людьми, как предполагал Славянский, из руководства они написали жалобу в вышестоящую инстанцию. Директор был человек очень влиятельный и ему переслали жалобу его подчинённых. Друзья Славянского покаяться, хотя быстрее всего они просто разыграли весь этот спектакль, чтобы втянуть его в подобную интригу. Директор же получил повод начать активные действия против давно неугодного сотрудника, несмотря на все регалии последнего. Почему-то все успешные люди относятся с подозрением ко всем порядочным, но сами окружены в основном льстецами и аферистами – это наблюдение из реальной жизни.

Из отдела ближний круг Глаголевой уволился через пару недель. Славянский организовал филиал другого очень крупного института и Глаголева, уходя, сказала, что Славянский всех заберет, но не сразу.

После этого атмосфера на работе стала намного проще, но зарплата упала значительно. Молодые сотрудники отдела начали подумывать о смене места работы. Через месяц Славянский пригласил к себе ещё одну молодую девушку из отдела Интересную, которая сразу написала заявление на увольнение. На неё решили повесить деньги, которые институт платил за её обучение в аспирантуре. Чем там всё закончилось не известно, но она всё равно уволилась.

Стёпа подыскивал новую работу, но ничего подходящего не попадалось. Пару раз он выполнил халтуры для Васильевича, у которого были заказы, но не хватало исполнителей. Васильевич узнал о намерениях Стёпы. В своей новой организации он предложил директору открыть отдел по обследованию зданий, который бы возглавил Стёпа. Директор подумал и согласился.

Стёпа решил увольняться, но наученный опытом Интересной и проконсультировавшись у пары юристов, у Степы была за плечами заочная аспирантура оплаченная его организацией, он составил план увольнения. Так как зарплату начали задерживать, то причина увольнения звучала как – задержка своевременной выплаты зарплаты. Это было очень не выгодно организации, поэтому, когда Стёпа написал своё заявление, то прежде чем его зарегистрировать секретарь позвонила главному бухгалтеру. Та в свою очередь попросила Стёпу переписать заявление, согласившись договориться с директором, чтобы на него не вешали никакого долга. Стёпа переписал заявление с формулировкой «по собственному желанию».

На момент подачи заявления Стёпа сдал всё, что на нём числилось: книги, приборы, отчёты. На следующий день он отправился к директору, так как никто визировать заявление без согласия директора не соглашался, нужна была личная аудиенция. В общем, две недели тянулась эпопея Стёпиного увольнения. В первый раз, когда директор увидел его в своей приемной и поинтересовался в чём дело, то грозно сказал, что нечего страдать глупостями и чтобы он шёл и работал. Стёпа остался сидеть в приёмной. Когда директор в очередной раз вышел и снова увидел Стёпу, то уже более спокойно взял у него заявление и сказал приходить на следующий день.

Следующий день тянулся на протяжении двух недель. Иногда Стёпа попадал к директору и они немного беседовали, иногда встреча переносилась на следующий день. Директор был ниже среднего роста и глубоко пенсионного возраста, но когда он пристально смотрел на Стёпу из под своих густых бровей, то Степе было очень не по себе.

Степа еще никогда не испытывал такого тяжелого взгляда. Однажды спросив о причине увольнения и услышав, что Стёпе оказывается нужны деньги, он настоял, чтобы Стёпа написал заявление на материальную помощь, после чего сказал в очередной раз идти и работать, так как проблема с деньгами решена. Ноги уже вставали, руки тянулись к двери, глаза уже не могли подняться и принять директорский взгляд, но Стёпа нашел немножко сил и выдавил из себя,

что ему нужно подписать заявление на увольнение. Директор хмыкнул и сказал, чтобы тот приходил завтра.

Стёпа не был каким-то особо ценным сотрудником, но весь этот спектакль разыгрывался из-за Славянского, так как директор не желал отпускать людей, которые уходили к Славянскому, тем более, что тот выиграл суд по поводу незаконного увольнения.

В очередной раз директор на беседу пригласил институтского юриста и сказал Стёпе, что Стёпа молодец и всё сдал, и за ним нет никаких материальных долгов, но всё равно Степа собирается подставить институт. Стёпа был в недоумении и поинтересовался как. На что директор сказал, что Стёпа на днях взял компьютер в кредит, а в институте взял справку о зарплате. Стёпа спросил ну и как он может подставить институт. На что услышал, что коварный Стёпа и не собирается выплачивать кредит и что весь кредит повиснет на институте. Услышав это, Стёпа не удержался и рассмеялся. Его кредит к институту не имеет никакого отношения, так как он оформлен на него и в любом случае отвечать только ему. Директор посмотрел на юриста, та еле заметно кивнула. Директор в очередной раз сказал приходить завтра.

На последней решающей встрече директор напрямую спросил – не к Славянскому ли уходит Стёпа? На что Стёпа откровенно сказал, что он последний человек, которого Славянский взял бы к себе. Этого директору было недостаточно, он настаивал на конкретике. Васильевич просил Стёпу до последнего не называть его, но если уж припрёт, тогда можно. Момент настал. Стёпа назвал Васильевича. Директор сказал, чтобы Васильевич подъехал к нему прямо сейчас, так как ему нужно поговорить с ним.

Стёпа вышел и позвонил Васильевичу и передал просьбу директора. Васильевич рассмеялся и сказал, что сейчас будет. Когда они втроем собрались у директора и Васильевич подтвердил, что Стёпа идет работать к нему, директор сказал, что даст согласие, но только с формулировкой «по переводу». Здесь он уже обратился напрямую к Стёпе и сказал, что переживает за него, так как после увольнения он может не найти работу и опуститься, чего ему бы не хотелось.

На следующий день Стёпа получил трудовую, расчётные и даже материальную помощь. Выходя из института, он встретил директора. Директор сильно болел и ему тяжело было ходить. Он шёл вместе с институтским юристом, немного опираясь на её руку. Директор остановился и поздоровался со Стёпой. Он сказал, что Стёпа неплохой человек, но за эти дни стал ещё лучше и скрылся в здании института.

10

Новое место работы отличалось от предыдущего полностью. Данная организация была закрытым акционерным обществом. Здешний директор стоял на страже, сдерживая все попытки разделения организации, либо продажи акций. Ему это было совсем не просто. Это был довольно необычный человек, таких пожалуй больше нет. Он был последним отголоском того хорошего, что было в прошлом и безвозвратно ушло в небытие.

Он создал в организации условия, чтобы все могли зарабатывать по мере своего труда. Каждый отдел занимался поиском работы и за выполненную работу получал порядка 50% на зарплату от стоимости работы. Когда ты выполнял работу, то ты точно знал, за что ты работаешь и что ты получишь.

Здесь всё было предельно экономно. У директора в кабинете стоял очень старенький компьютер, и он говорил, что этого для него достаточно. Ездил директор на Таврии. Многоэтажное здание, в котором располагалась организация, было практически без обслуживающего персонала. Если нужен был сантехник или электрик, то его приглашали, а, в общем, все старались делать всё своими руками, чтобы деньги уходили не на сторону, а шли на зарплату.

Стёпе выделили комнату только что после ремонта в полуподвальном помещении. Здесь была металлическая вешалка и три стареньких стола. Не было ни одного стула. Васильевич здесь работал в роли консультанта по различным вопросам и над вновь созданным отделом он взял шефство. Главное здесь было найти заказчика, чтобы выполнить для него работу, ведь если не будет оплаты по работе, то и зарплаты не будет никакой. По поиску заказчиков Васильевичу сложно было найти равных, складывалось впечатление, что они сами к нему тянулись.

Когда Стёпа с Васильевичем зашли в кабинет к директору, тот поинтересовался, как Стёпа устроился и пожелал удачи в работе на новом месте. Васильевич издали поинтересовался, как бы решить вопрос с компьютером и хотя бы одним стулом в кабинет, на что директор ответил, что не всё сразу. Нужно поработать, показать себя, а там уже всё решится. Васильевич дипломатично поддержал директора. Когда они вышли из кабинета директора, то Васильевич повел знакомиться Стёпу с двумя замами директора, а заодно он интересовался можно ли откуда-нибудь взять стульчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.